

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

© 2004 г. М. В. КОЛТУНОВА

КОНВЕНЦИИ КАК ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ФАКТОР ДИАЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ*

Суммируя представления зарубежных и отечественных лингвистов о правилах поведения для говорящего и слушающего, представления о коммуникативной целесообразности и взаимосвязанности конвенциональных ролей говорящего и слушающего, мы можем сказать о недостаточной структурированности и определенности понятия “речевые конвенции”. К ним, с одной стороны, относят нормы, правила, принципы, традиции, обычаи и ритуалы, определяющие специфику культуры, а с другой стороны, механизмы, регулирующие и гармонизирующие отношения коммуникантов.

В ряде работ зарубежных лингвистов (Дж. Морган, Э. Парре, Б. Фрейзер, П. Стросон и др.) термин “конвенции общения” используется достаточно произвольно и часто подменяет понятие “правила оформления высказывания”. Последние рассматриваются исследователями как необходимое условие успешного речевого взаимодействия, являющееся базисом эффективной коммуникации:

Принцип правдивости и доверия: произносимые речевые акты должны соответствовать коммуникативным ожиданиям, то есть соответствовать действительности;

Принцип выразимости: все, что может иметься в виду, можно адекватно выразить;

Принцип неточности выражения в контексте: приспособление высказывания к коммуникативной цели и отклонение при этом от требования точности;

Принцип потенциальной выявимости оснований: высказывание должно соответствовать требованию интенциональной прозрачности;

Принцип оптимальности: говорящий стремится минимизировать сложность поверхностной структуры высказывания и максимизировать тот объем информации, который может быть успешно сообщен адресату;

Принцип договоренности о новом и старом: задает тема-рематическую структуру высказывания.

Как видно из приведенных примеров, конвенции высказывания представляют собой нормативные требования к формально-логической и тематической организации высказывания, его контекстной уместности.

* Статья представляет собой обзор работ современных зарубежных и отечественных авторов по названной теме до 2003 года.

Однако сведения о конвенциях как прагматическом факторе общения, то есть нормах и принципах речевого поведения до сих пор не нашли своего полного системного описания в языкознании.

Правила успешного взаимодействия коммуникантов, которые предписывают определенные типы речевого поведения, соотносимые с представлениями о релевантном поведении в институциональном общении, представляют собой **конвенции** – неписанные, но ясно осознаваемые социализированной личностью нормативные типы и модели речевого поведения. Человек в процессе социализации усваивает не только жанры и формы речи, не только этикетные формы и ритуалы, но и то, как нужно взаимодействовать с партнером в эмоциональном и рациональном планах, как ориентироваться в дискурсном пространстве и ориентировать в нем собеседника, как предупреждать конфликтные ситуации, гармонизировать интенциональные установки. Эти фоновые знания присутствуют в речевом сознании взрослого человека неосознанно, на уровне представлений. По выражению М.Л. Макарова, конвенции употребления языка “оприличены”, то есть закреплены в виде навыков [Макаров 2003: 170].

Говоря о конвенциях диалогического взаимодействия, мы неизбежно приходим к разговору о системности употребления норм и правил конвенционального поведения в диалогическом общении, то есть о **конвенциональном поведении**, которое выражается в стремлении к ситуационно заданному кооперативному координированному коммуникативному взаимодействию.

Для того чтобы яснее представить себе терминологическое значение словосочетания “конвенциональное поведение”, считаем необходимым рассмотреть его в ряду таких понятий, как “социальный институт”, “социокультурный стереотип”, “национальные традиции”, “общие нормы и правила речевого взаимодействия”, “ритуальное поведение”, “этикетное поведение”, “жанр” и “сценарий”.

Социальные стереотипы непосредственно отражают содержание коммуникативного процесса, в то время как конвенции – схемы макродействий, типы взаимодействия, – структурное нормирование дискурса. Нарушение конвенциональных норм, так же, как и несоответствие высказывания социальным стереотипам, приводит к недопониманию, коммуникативным конфликтам и неудачам, иногда даже к коммуникативному шоку.

Интерес к проблеме стереотипного речевого поведения в современной лингвистике проявляется в интерпретации норм коммуникативного поведения [Стернин 1996] или поведенческих моделей конвенционального поведения в кросскультурной коммуникации [Стернин 1996; 2000; 2002; Токарева 1999], в контексте культуры, выявления воздействия статусных ролей говорящих на речь [Антинескул, Двинянинова 1998], в анализе взаимодействия национально-культурных стереотипов речевого общения в межкультурном аспекте [Прохоров 1997; 1999].

Этот интерес вызван не только стремлением лингвистов исследовать социально уместное поведение коммуникантов, но и показать, как культура транслируется в стиль поведения говорящего, в манеру общения, в такие аспекты поведенческой компетенции, как вежливость, уважение или социально приемлемое поведение, то есть в **стереотипное** поведение. К видам стереотипного поведения относится ритуализированное поведение, к которому, в свою очередь, относится этикетное и неэтикетное ритуализированное поведение. Конвенциональное поведение с неизбежностью включает использование ритуализированных форм и моделей (ритуальных сценариев) общественного поведения.

По мнению Н.И. Формановской, “речевой этикет можно представить как социально заданные и национально специфичные ритуализированные регулирующие правила речевого поведения в ситуациях установления, поддержания и размыкания контакта коммуникантов в соответствии с их статусом и ролями, ролевыми и личностными отношениями, в официальной и неофициальной обстановке общения” [Формановская 2003: 354].

Ритуал – это система речевых действий, совершаемых по строго установленному порядку, традиционным способом и в определенное время. Ритуал является главным механизмом коллективной памяти, регулирующим социальную жизнь общества.

К. Лоренц [1994] выделяет три основные функции ритуала, характерные для обществ животных и человека:

- 1) снятие агрессии;
- 2) обозначение круга "своих";
- 3) отторжение "чужих".

Ритуал – важное средство поддержания общих норм и ценностей народа. Подражательность ритуального поведения основана на поведенческом стереотипе, действии, потерявшем целесообразность. По мнению В.А. Масловой [Маслова 2001], поведенческие стереотипы могут переходить в ритуалы.

Вся социальная жизнь общества соткана из ритуальных событий (инициации, прощания, награждения, презентации, юбилей, аттестации и т.п.), пронизана так называемым "диффузным ритуализмом", представленным перформативными высказываниями, закрепленными за привычными жанрами делового общения (приказы, распоряжения, просьбы, жалобы, предложения, заявления, посвящения и т.п.) [Колтунова 2002]. В перечисленных жанрах, безусловно, используются и этикетные высказывания – **этикетные клишированные фразы, этикетные текстовые модули, этикетные тексты.**

Однако понятие ритуального поведения включает обширный корпус конвенциональных речевых действий и жанров социального общения, относящихся к так называемым **процедурным ритуалам**. К ним относятся:

- ритуалы инициации/посвящения (прием в члены какой-либо организации, выдача удостоверений, аттестатов, лицензий и т.п.);
- ритуалы порицания (выговоры, замечания, предупреждения);
- ритуалы отторжения (исключение, увольнение, вывод из состава участников);
- ритуалы статусного регулирования (повышение, понижение в должности, назначение, перевод на другую работу);
- директивные ритуалы (постановления, распоряжения, приказы);
- собственно процедурные ритуалы (голосование, утверждение, открытие/закрытие заседания и т.п.).

Ритуальное поведение в институциональном дискурсе предполагает следование ситуационным стереотипам в речевой деятельности, т.е. оно строго регламентировано. Например, необходимость получения очередного отпуска для сотрудника означает необходимость подачи заявления на имя руководителя, подписания его руководителем предприятия или организации и издание соответствующего приказа. Причем сам текст заявления представляет собой стандартное ритуализированное обращение: *Прошу предоставить мне очередной отпуск с такого-то по такое-то число*. Отпуск предоставляется по закону и не может быть не предоставлен сотруднику, однако регламентированное стереотипное поведение в рамках русской организационной культуры предполагает исполнение данного ритуального действия в данной ситуации. (Причем такие заявления характерны именно для русской организационной культуры, в других странах подобной практики не существует.)

Применительно к ритуальным речевым действиям и к этикетным речевым действиям мы говорим о высокой степени **конвенционализации** речевых действий, то есть о принадлежности их к корпусу текстов и высказываний, закрепленных за регулятивными ситуациями социального общения и являющихся **эталонами** или образцами для участников общения в подобных ситуациях. То есть заявление о предоставлении очередного отпуска нельзя написать, например, следующим образом: *Отпустите меня отдохнуть, а то я очень устал за последнее время* или *Отдохнуть хочу с... по... где-нибудь в Турции*. При обращении к адресату более высокого институционального статуса конвенционально используется перформатив *Прошу/Просим*.

Конвенциональность институционального поведения, таким образом, неразрывно связана с такими понятиями, как "нормативность", "регламентация" и "стандартизация" поведения, реализующихся в конвенциональных ожиданиях.

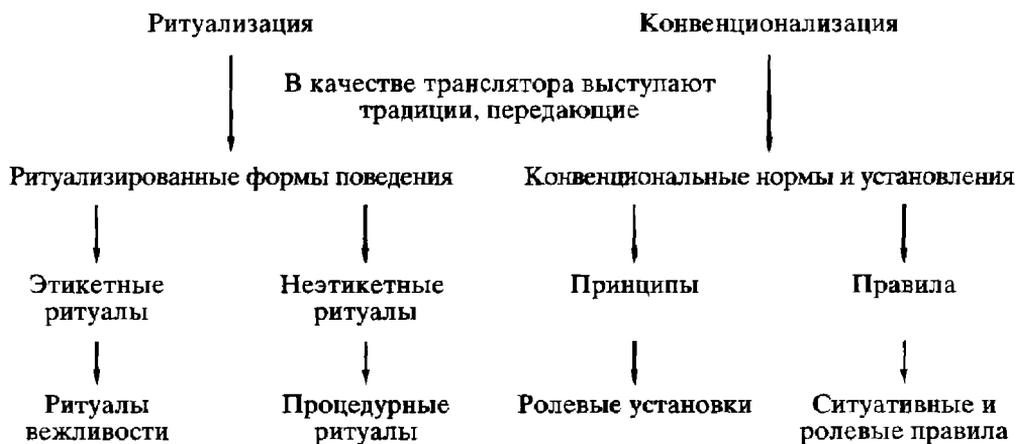
Ритуалы регламентируют общение (по времени и тематике), регулируют его (благодаря четкому распределению и исполнению ролей и жесткого закрепления речевых действий в рамках речевого сценария), определяют его социальное значение. Конвенции же определяют общие принципы и нормы, организующие социальное

общение, делают его рациональным, целенаправленным и организованным процессом передачи информации и волеизъявления, регулируют эмоциональное взаимодействие коммуникантов. Регулирующая функция конвенций незаметна и неощутима для участников диалога, потому что опирается на стереотипы как компоненты речевого сознания. Конвенциональные высказывания могут быть, так же, как и этикетные, не обязательны с точки зрения логико-содержательного развития дискурса, но обязательны для координации и регулирования речевого взаимодействия.

Конвенции, как и ритуалы, выполняют функцию ограничения и сдерживания речевой агрессии и разрушающих общение негативных факторов – в этом проявляется их важнейшая прагматическая функция. Они являются базовым элементом культуры общения. При системном нарушении конвенций речевое поведение перестает отвечать пороговому уровню адекватности, вежливости и становится неэффективным.

Важно отметить, что конвенции закреплены в социальном сознании, относятся к стереотипизированным знаниям. Конвенциональное поведение ориентировано на социокультурные стереотипы, нормы, модели и стандарты речевого поведения. Одни из них универсальны, характерны для речевого поведения представителей подавляющего большинства национальных культур (невозможность отдавать приказы или говорить приказным тоном нижестоящего с вышестоящим по служебной лестнице). Другие – характерны для данной национальной культуры (в американских правилах можно свободно высказывать свое несогласие с вышестоящим по служебной лестнице, а в японской культуре несогласие не высказывается вслух даже коллеге, занимающему такое же положение на предприятии). Конвенции связаны со следующими оценочными установками: “так положено”, “так принято”, “так прилично”, “так заведено”, то есть они осознаются и идентифицируются с определенной социокультурной нормой и традицией. Под традицией понимаем передачу социальных стереотипов поведения из поколения в поколение. Так, по Маркаряну, культурная традиция является “универсальным механизмом, предназначенным для селекции жизненного опыта, его аккумуляции и пространственно-временной трансмиссии”, причем без действия этого механизма “общественная жизнь людей просто невысказима” [Маркарян 1981: 87]. Традиция, таким образом, закрепляет результаты процессов ритуализации и конвенционализации в их системных отношениях, обусловленных рамками одного процесса стереотипизации речевого поведения.

Стереотипизация речевого поведения

Позиционирование личности в социокультурном пространстве имеет большое значение для овладения типами конвенционального поведения. Социальное речевое поведение невысказимо без владения говорящими определенными типами речевого поведения, диалогического взаимодействия, которые создают комфортную атмосферу.

сферу общения, “вписываются” в рамки социальных и коммуникативных ролей, то есть отвечают ожиданиям коммуникантов. Под конвенциональностью понимают социальное измерение регулярных человеческих действий, имплицитную систему правил, ожиданий и поведения

Важнейший аспект конвенционального поведения связан с употреблением речевых и языковых форм. Соотношение их с феноменом речевой культуры будет различным. Мнение Дж. Остина [1986] и П. Стросона [1986] о конвенциональной природе иллокутивных актов основывается на их функциональной природе, т. е. на возможности посредством использования перформативов осуществлять речевые социально значимые действия.

- Заявляем о...
- Назначаю.
- Увольняю вас...
- Прошу считать утерявшим силу
- Настаиваю на выполнении обязательств.

Декларативы, директивы, комиссивы, репрезентативы, этикетные и другие ритуализированные социальные формулы относятся к так называемым институциональным типам высказываний, реализующимся в соответствующих жанрах официального общения. Кроме этого, к конвенциональным актам относятся разнообразнейшие ритуализованные действия: крещение, посвящение, голосование, арест, признание виновным, бракосочетание, подача в отставку и т. п. Социально значимые действия, осуществляемые при помощи этих иллокутивных актов, регулируют в том числе статусные отношения [Карасик 2002].

Сам выбор речевого акта с социолингвистической позиции должен быть обусловлен ситуацией и статусными отношениями коммуникантов. Неадекватным будет использование директивов нижестоящего вышестоящему по служебной лестнице или младшего по возрасту – старшему

Косвенные речевые акты, имеющие двойную иллокутивную силу, конвенциональны также в двух аспектах – языковом и прагматическом. Это речевые акты с выводимой интенцией, использование которых очевидно при желании говорящего скрыть ее.

Косвенно выражается целый спектр речевых действий – косвенно могут быть выражены просьба, совет, пожелание, побуждение и т. п. Они могут быть использованы в речи и интерпретированы при условии конвенционализации на языковом и прагматическом уровне (вхождении в систему правил речевого этикета данной национальной культуры). В этой связи необходимо заметить, что важную роль в выполнении правил и норм социально приемлемого общения, диктуемых теорией речевых ограничений (ТРО), играют **конвенциональные импликатуры и импликатуры вежливости**. Понятие релевантности социального поведения с неизбежностью включает целый ряд ситуаций, в которых информация должна передаваться косвенно (**косвенные конвенциональные речевые акты**) или посредством импликатур. Причина для использования импликатур как формы позитивной вежливости, как отмечает Дж. Лич, в сущности, состоит в следующем: быть косвенным в речевом поведении означает эффективно передавать сообщение: “У нас достаточно много общего, и мы довольно похожи, так что я знаю, Вы меня поймете” или “Я считаю нужным промолчать об этом, и – Вы знаете/догадываетесь – почему”. Понятно, что в этом случае речь идет о высокой степени кооперации и соционизации общения.

Вот почему такие дискурсивные жанры, в которых недоверие является наиболее сильным (например, в юридическом дискурсе), вызывают наибольшие ожидания строгого эксплицитного сообщения.

Цель вежливости – это сохранение гармоничных и ровных социальных отношений участников общения. Люди часто используют косвенность, когда их коммуникативные цели не совпадают: например, когда их желание уклониться от выражения собственного мнения, чтобы не обидеть, не задеть чувства кого-либо, противоречит их обязанности сказать правду. Например, вместо соответствующего действительности:

У Вас неважная работа, она не годится для публикации, – соответствующее конвенциональным нормам: Вам нужно еще поработать над темой, учесть замечания и пересмотреть структуру второй главы.

Конвенционально косвенно выражаются просьбы, советы, предложения:

- *Было бы замечательно, если бы мы встретили этот праздник вдвоем (Я знаю, ты хочешь пригласить гостей. Пропу тебя не делать этого);*
- *Тебе не трудно принести мне воды? (Я плохо себя чувствую и мне трудно вставать. Принеси мне воды);*
- *Мне кажется, тебе лучше было бы сегодня остаться дома. Зачем тебе ехать? (Уже очень поздно. Пропу тебя не ехать сегодня. Я буду волноваться).*

Как видно из примеров, косвенные речевые акты включают импликатуры, мотивирующие выбор именно этой формы речевого воздействия.

Коммуникативная деятельность в рамках институционального общения, таким образом, опирается на конвенциональность, проявляющуюся в строгом закреплении социальных функций за речевыми действиями и системой речевых процедурных конвенций, представляющих собой поведенческие социальные стереотипы. Последние организуют социальную коммуникацию благодаря нормативно-регулирующей функции коммуникативных принципов, стратегий, правил, тактик речевой деятельности.

Соотношения между языком и социокультурным контекстом носят опосредованный характер, который определяется тем, что в процессе функционирования языка в речи во внешней среде, в речевой деятельности и общении человека происходит не только реализация системы языка, но и формирования иного рода системности – речевой. Отсюда можно заключить, что в непосредственную связь с компонентами культуры вступает не только язык, но и **отлитая в жанровые формы речь.**

С другой стороны, жанр речи тесно связан с такими понятиями, как “традиция” и “поведенческий стереотип”, закрепленный, в том числе, и в сценарной форме жанра. “Жанр – это апробированная, закрепленная традицией форма речевого воплощения функции практического назначения содержания произведения, в жанрах реализуется цель высказывания и, соответственно, практическое назначение языка” [Брандес 1990: 40]. Социальная природа жанрового формообразования опирается на традицию, понимаемую как механизм воздействия культуры на речевое общение. Таким образом, социальная природа речи проявляется в виде механизмов, регулирующих социальное общение, таких как традиция, стереотипизация речевого поведения и нормирование.

Возвращаясь к связи таких понятий, как “традиция” и “жанр”, следует отметить, что, по определению М.М. Бахтина, именно речевые жанры отражают все изменения, происходящие в общественной жизни [Бахтин 1986: 256]. Отсюда ясно, почему именно в недрах жанра протекают важнейшие языковые процессы, главный из которых – стереотипизация – затрагивает, прежде всего, модели речевого взаимодействия, закрепленные в таких когнитивных речевых формах, как сценарий, или скрипт.

Образ ситуации взаимодействия предстает в качестве **ситуативной модели** или, иначе, **сценария**, – пишет в своей монографии М.Л. Макаров: “...управляющие коммуникативным действием когнитивные структуры, как правило, организованы в виде сценариев, отражающих взаимодействие участников коммуникации типа (субъект – субъект) и опирающихся на доминирующее процедуральное знание” [Макаров 2003: 158] Исследователь предлагает называть когнитивные структуры такого рода **процедурными сценариями взаимодействия** (ср.: процедурный сценарий взаимодействия и декларативная модель предметно-референтной ситуации). Если темой фрейма предметно-референтной ситуации является сам предмет общения, то темой сценария взаимодействия – сам тип взаимодействия, или общения, то есть тип дискурса

Последовательность речевых действий и событий, правила исполнения социальных и коммуникативно-ситуативных ролей, тематическая структура отражены в по-

нятии процедурного сценария и закреплены конвенционально. Зафиксированные практикой употребления, прошедшие процесс конвенционализации и стереотипизации, они предстают в сознании говорящих в виде динамической многопараметровой модели речевого взаимодействия.

В письменной речи стереотипизация жанра протекает в виде закрепления стандартных аспектов документа за регулярными ситуациями общения. Под жанровыми конвенциями в данном случае понимаются типичные, устоявшиеся представления о содержании и форме. Так форма текстовой организации и тематические рамки устоявшихся письменных жанров делового общения не создаются говорящим, они даны ему как продукт социальной природы. Например, название документа “Приказ” создает у человека ряд устойчивых представлений о содержании и языковых особенностях этого жанра:

волеизъявление вышестоящего сотрудника, руководителя;

поручение, носящее обязательный характер;

форма, включающая необходимые компоненты текстовой организации: перформатив “Приказываю”, распространенный дополнениями по модели

Приказываю

– (кому?)

– (что выполнить?)

– (до какого числа?)

– (на кого возложить ответственность за исполнение приказа).

Таким образом, узусные конвенции – это базовые организующие диалогическое институциональное общение нормы и правила, отраженные в жанровых сценариях и формах (письменных жанров), в статусно-ролевых моделях речевого взаимодействия. Сама способность выполнять социальное взаимодействие посредством языка обусловлена владением этими нормами и правилами.

Традиция – это один из универсальных динамических механизмов трансляции и закрепления в речевой практике этноса стереотипных форм, моделей и правил социального взаимодействия и воздействия социокультурного контекста на речевое сознание в любой сфере коммуникации и в любой его форме. При этом существенно то, что социокультурные прагматические конвенции представлены на различных уровнях (на речеактовом, на уровне сценарного жанрового взаимодействия, на концептуальном, то есть на уровне речевых стратегий и установок). Все эти конвенции взаимодействуют и образуют систему, что и является предпосылкой для регламентации, то есть закрепления результатов конвенционализации в институциональном общении.

Понятие “конвенции общения” В.З. Демьянков, суммируя взгляды зарубежных исследователей, определяет через понятие “принципы конвенционального общения”, оговариваясь, что “границы между конвенциями, заключенными в принципах, правилах и стратегиях общения не строги: принцип может быть использован в качестве содержания для правила, а правило может быть воплощено в виде стратегии” [Демьянков 1982: 336].

В качестве ведущего принципа, определяющего специфику диалогического взаимодействия в процессе общения, Г.П. Грайс выделил **кооперативный** принцип, или принцип коммуникативного **сотрудничества**, включающий максимы количества, качества релевантности и ясности выражения (манеры речи). Сам Принцип сотрудничества проявляется и как стремление к кооперативности со стороны говорящего, и как предположение о таком стремлении слушающего, проявленное в интерпретации, получаемой адресатом.

Принцип кооперации – это универсальный принцип общения, без которого оно просто невымыслимо. Кооперация интерактивного взаимодействия в диалоге осуществляется в двух планах – в модальном и в когнитивном. Кооперация в когнитивном аспекте предполагает упорядоченное, осуществляемое посредством сознательного применения тактик и правил коммуникации, ориентированных на адресата, продвижение к общей цели обоими партнерами. “Твой коммуникативный вклад на данном шаге ди-

алога должен быть таким, какого требуют совместно принятая цель или направление обмена коммуникативными действиями, в котором ты участвуешь”, – так определяет Грайс суть Принципа кооперации [Грайс 1985: 222]. К средствам, реализующим этот принцип, относятся вербализация коммуникативных намерений, целесообразно организованная мена коммуникативных ролей, правила передачи сложно организованной и объемной информации, проверка усвоения информации и ее обработки адресатом в ходе обсуждения, обозначение этапов обсуждения, симметричность коммуникативной активности, проявляющаяся во взаимной поддержке коммуникативных инициатив.

Эти правила связаны с предметно-логическим аспектом речевого взаимодействия, им должны следовать оба коммуниканта для оптимизации информационного обмена в процессе диалога. Однако следование постулатам Грайса может и не привести к намеченной коммуникативной цели. За границами внимания в данном случае остается значительная часть прагматического аспекта вербального взаимодействия (мена коммуникативных ролей, соотношение интенций, прозрачность и эксплицированность отношений и проч.). Установка на кооперацию обнаруживается через категорию вежливости.

Дж. Лич дифференцирует коммуникативные позиции адресанта и адресата речи в плане коммуникативных стратегий. Говорящий должен исходить из интересов слушающего. Отсюда и соответствующие максимы **Принципа вежливости**:

- **Максима такта**: не навреди другому, соблюдай интересы и права другого, уменьшай затраты других, увеличивай свои собственные затраты;
- **Максима великодушия**: уменьшай собственную выгоду, увеличивай выгоду другого;
- **Максима одобрения**: уменьшай порицание других, увеличивай одобрение других;
- **Максима скромности**: меньше хвали себя, больше порицай себя;
- **Максима симпатии**: уменьшай антипатию, увеличивай симпатию между собой и партнером.

Таким образом, Принцип вежливости универсален с точки зрения системности этических постулатов говорящего, освещенных культурной традицией человечества. Как верно указывает Н.И. Формановская [Формановская 2002], Принцип вежливости является не только этической категорией, но и прагмалингвистической категорией. Он регулирует социальную сторону общения, или иначе, служит целям солидаризации коммуникантов, создания между ними доверительных отношений, психологической синхронизации когнитивного процесса.

Как этическая категория принцип вежливости является ведущим при определении норм и приличий речевого поведения, соблюдения моральных ограничений. Говоря об этом, нельзя не отметить тот факт, что **значительная доля конвенциональных норм и правил существует в виде запретов и ограничений**.

Существование неких моделей речевого поведения, правил оформления высказывания, реакции на услышанное, правил мены коммуникативных ролей и т.д., которые нельзя или нежелательно нарушать, особенно в социальной сфере, свидетельствует о существовании конвенций. Они проявляются в коммуникативных табу, в запретах, в фигурах умолчания, в эвфемистических заменах и т.д. Как правило, они связаны с необходимостью сохранения лица адресата. Сам же факт нарушения таких запретов или отклонения от принятых моделей взаимодействия ярче всего обнаруживает или проявляет существование конвенций. Таким образом, социальное речевое поведение можно описать как результат действия таких ограничений, влияющих на выбор тактики при достижении целей в диалоге. Благодаря этим нормативным ограничениям, по мнению С.А. Сухих [Сухих 1989], и реализуется социальная коммуникация. Теория речевых, и шире – коммуникативных, ограничений опирается на такие понятия, как социальная уместность и национальная специфика. Теория речевых ограничений (ТРО) определяет социальную уместность как имеющую значение для поведенческой тактики вежливости.

“При достижении цели социально уместной тактикой является вежливое, обходительное и почтительное поведение; социально неуместной тактикой (действиями) является невежливое, неучтивое и грубое поведение” [Kellerman, Park 2001: 4]. ТРО определяет эффективность как выбор адекватных речевых тактик, учитывающих национальное своеобразие, социальные характеристики речевой ситуации, имеющие значение для поведенческой целесообразности. Кто начинает диалог, как передаются речевые ходы, какие темы могут считаться релевантными и приемлемыми, как заканчивается диалог, в каких ситуациях не принято возражать (на официально сделанные замечание или выговор), делать замечания (публично), иронизировать (над промахом, физическими недостатками или невольной ошибкой собеседника), комментировать (неудачное выступление, проигрыш и т.п.), – известно каждой социализированной личности. То же касается молчания: в каких ситуациях молчание может быть воспринято как знак солидаризации с адресатом (при сообщении о горестном событии), как свидетельство воспитанности и хороших манер (молчание в таких ситуациях соответствует коду цивилизованного, то есть конвенционального поведения), а когда оно является нарушением конвенциональных норм.

В речевом общении взаимные отношения партнеров “защищены” тактом: внешний вид или личные привычки партнера, как правило, не обсуждаются. Это табу может быть отменено в особых условиях: в неформальном общении или при желании нанести оскорбление. В формальном же общении по оценочным или стереотипным реакциям собеседника мы делаем выводы о степени его социализации и принадлежности к стереотипной культурной и социальной группе. Принадлежность к группе, представляющей высокие типы речевой культуры, проявляется в умении взаимодействовать с коммуникативным партнером, используя прямые и косвенные речевые тактики, в двух сферах – модальной и когнитивной в рамках кооперативного общения в рамках конвенциональных норм.

Одной из форм нарушения таких негласных норм является так называемое несанкционированное, то есть не предусмотренное нормами общения молчание. Как указывает Б. Малиновский, “молчание в некоторых ситуациях могло бы быть расценено как невежливость и невнимание, а иногда даже как враждебность” [Malinowski 1972].

Иными словами, молчание в тех случаях, когда от адресата **ождается** какая-то реакция, считается явным нарушением общепринятых конвенций (например, игнорирование вопроса). Молчание может быть и речевым актом в рамках вежливого поведения – промолчать вместо ответа на грубость или агрессивный выпад. В данном случае желание уклониться от выражения собственного мнения можно объяснить либо **принципом толерантного поведения**, представленным в том числе системой коммуникативных запретов, нацеленных на защиту реализации прав личности, либо как прагматический прием комуфлирования столкновения (конфликта) целей. Толерантность с позиции прагматики рассматривается как тип речевого взаимодействия, противопоставленный вербальной агрессии и близкий к понятию “терпимость”. Социальные нормы толерантного поведения не предусматривают критику убеждений, национальных особенностей поведения (обычаев), одежды и т. д. В сфере институционального общения к нормам толерантного поведения относится уважение иной точки зрения на предмет обсуждения, предоставление оппоненту права ее защиты и сохранения, терпимость к ошибкам и заблуждениям коммуникативных партнеров.

Как прагмалингвистическая категория Принцип вежливости реализуется, прежде всего, в экстралингвистических правилах и средствах организации и оптимизации диалогического общения, контактоподдержания. По выражению Д. Таннен, “вежливость – это включенность в общественные отношения”. Реплики согласия и одобрения, помимо создания психологически комфортной атмосферы общения, структурируют диалог, создают диалогическую перспективу, регулируют подачу и объем информации.

Принципы Грайса и Лича выработаны как постулаты речевого поведения адресанта, адресат при этом рассматривался лишь как объект воздействия говорящего.

На недостаточность такого понимания роли адресата речи указывали ряд отечественных (А.А. Романов, В.И. Лагутин, Л.А. Азнабаева) и зарубежных исследователей (Д. Франк).

Р. Лакофф, сводя значение принципов сотрудничества к двум правилам прагматической компетентности (“выражайся ясно” и “будь вежлив”), выделяет три правила вежливости: 1) не будь навязчив; 2) оставляй другому право выбора; 3) делай так, чтобы другой чувствовал себя хорошо.

В реализации тактик вежливости важную роль играют понятия **позитивной и негативной вежливости (стратегии сближения и отдаления)**. Дж. Лич считает, что негативная вежливость (стремление избежать разногласий, конфликтов) важнее, чем позитивная вежливость (стремление к согласию). Выделяя четыре типа стратегий вежливости, Р. Браун и Ст. Левинсон под позитивной вежливостью имеют в виду проявление дружеского уважения к адресату, а под негативной вежливостью – боязнь показаться навязчивым, помешать адресату, при этом авторы подчеркивают зависимость форм вежливости от ситуации общения (официальная/неофициальная), ролевых отношений (старший/младший). Весьма важным является положение авторов о том, что стратегии вежливости направлены на то, чтобы адресат “сохранил свое лицо”, утверждая, таким образом, необходимость соблюдения **конвенциональных отношений**.

Однако, как показала в своем исследовании Т.В. Ларина [Ларина 2003], вежливость имеет ярко выраженную национальную специфику. На примере сопоставления социальных отношений английской и русской культур исследователем были выявлены различия в понимании понятия “вежливость”: «...английская и русская вежливость имеют разную направленность и разную целевую установку: английская вежливость направлена на объект общения, русская замыкается в субъекте; английская вежливость – это “формальная этикетная деятельность” (вежливый тот, кто демонстрирует внимание к другим), русская вежливость – это “этикетное бездействие” (вежливый – тот, кто соблюдает правила приличия), но в то же время – и реальная, не формальная деятельность (“вежливость должна проявляться не на словах, а в делах”)» [Там же: 27]. Особенно ярко национальная специфика конвенциональных принципов и постулатов проявляется в конвенциональном закреплении в общении желательных и нежелательных тем общения. В западной (европейской и американской) культуре нежелательными считаются темы, потенциально конфликтные и этически неуместные: политика, деньги, личные доходы, проблемы со здоровьем, семейные конфликты. Желательными – вызывающие общий интерес и солидаризирующие – погода, спорт, культурные новости, новости науки и техники. В русской практике общения такие ограничения пока не действуют.

Таким образом, с конвенциональным общением тесно связано представление о предписанном социальном шаблоне поведения, которое ожидается или требуется от человека в данной ситуации в рамках данной национальной культуры [Шибутани 1969].

Исполнение коммуникантами **конвенциональных ролей** связано с исполнением ролевых ожиданий в процессе общения. Конвенциональная роль коммуниканта включает следующие коммуникативные установки:

- ориентация на адресата, учет его статусных, социально-психологических и культурных характеристик;
- прогнозирование речевых реакций в эмоциональном и когнитивном планах;
- моделирование отношений с адресатом в рамках конвенциональных норм.

Эти конвенциональные роли имеют социальные и коммуникативные характеристики и пр. Так, от руководителя подчиненный вправе ожидать корректных советов, распоряжений, иногда покровительства и защиты, но не грубых понуканий, окриков и унижения и т.д.

Конвенциональная роль каждого из коммуникантов (адресанта и адресата) имеет свою специфику, что доказала в своем исследовании Л.А. Азнабаева [Азнабаева 1998]. Так конвенциональная роль адресата оказывается не менее важной для ус-

пешного общения, чем роль говорящего. По мнению исследовательницы, она реализуется в двух ведущих принципах, представляющих специфику взаимодействия в модусной и когнитивной сферах общения.

Принцип экспликации отношения – анализ любого реагирующего высказывания, вскрывает в нем наличие эксплицитно или имплицитно выраженного **отношения к собеседнику**. По сути он основывается на презумпции доверия и позитивного отношения к адресату (в противном случае общение становится невозможным) и реализуется в тактиках согласия (искреннего и неискреннего), снижения категоричности, отражения эмоционального состояния и тактиках психологической поддержки (экспликации понимания психологического состояния, выражение сочувствия, утешение).

Принцип антиципации – это принцип взаимодействия в когнитивной сфере, сводящийся к предвосхищению в дискурсном развитии элементов высказывания последующих реплик, либо самих высказываний. Он реализует конвенциональные ожидания говорящего по отношению к отвечающему адресату, выявляя функциональную нагрузку адресата в речевом взаимодействии. То есть, говорящий может предвосхитить вопросы и возражения, снять сомнения и недопонимания собеседника. Данный принцип реализуется в таких речевых действиях, как пояснения, объяснения, уточнения, аргументирование.

Это представляется чрезвычайно важным, так как конвенции и проявляются во взаимодействии и субъектов общения, выполняя координирующую и регулирующую функции.

Другим важным положением, высказанным исследовательницей, является мысль о том, что “под конвенциональным речевым поведением понимаются не только эталонные формы, предписанные этикетом, но и **социально-приемлемые** тактики, даже если они не являются строго нормативными”. Это означает, что конвенциональное речевое поведение может расцениваться таковым, даже если содержит отступления от требований этикета, от предусмотренных сценариев поведения, этикетных форм. Так, например, заговорить с незнакомым попутчиком даже на не рекомендуемые в данной ситуации темы лучше, чем молчать. Молчание на протяжении всего пути может расцениваться как проявление высокомерия или враждебности.

Дж. Остин справедливо замечает, что трудно определить, где начинаются и где кончаются конвенции. Они пронизывают всю систему языка и реализуются в различных аспектах речевой деятельности. Они включают этические нормы и прагматические нормы речевого поведения, к которым в институциональной сфере относятся конвенция разрешения и конвенция о высказывании намерения.

Конвенция разрешения: действие совершается после получения разрешения на него. Во многих ситуациях институционального общения несанкционированное вступление в речевой контакт расценивается как грубое нарушение конвенциональных норм (например, несанкционированный звонок, факс, письмо).

Конвенция о высказывании намерения: говорящий должен высказывать свои коммуникативные намерения в целях ориентации адресата. Помимо цели общения, которая обычно задана жанром (например, цель коммерческих переговоров – договориться о параметрах сделки, подписать контракт), коммуникативный партнер должен знать о коммуникативных намерениях человека, с которым вступает в диалог. Намерения эти могут меняться в ходе переговоров:

- *Я хотел бы поставить вас в известность...*
- *Я хотела бы согласовать с вами ряд вопросов по данному протоколу о взаимных поставках.*
- *Мне нужно посоветоваться с вами и принять решение...*
- *Хотелось бы внести ясность в существующие разногласия по вопросу...*

Принцип кооперации в сфере когнитивного взаимодействия Спербер и Уилсон дополнили **Принципом релевантности** [Sperber, Wilson 1982], соотносимый с Макси-

мой релевантности Грайса (*говори по делу*), согласно которому каждая реплика должна опираться на тему предыдущего хода в дискурсе и быть максимально понятной для адресата.

Правила общения, которые мы можем отнести к прагматическим конвенциям, представляют собой правила исполнения коммуникативных ролей, правила структурирования диалога, правила организации информационного обмена и правила модульного взаимодействия коммуникантов, то есть механизмы, регулирующие и гармонизирующие отношения коммуникантов. Принципы, в свою очередь, реализуются в стратегиях и тактиках конвенционального речевого поведения. Особенно важно исходя из необходимости реализации макростратегических установок и целей гармонизировать сферу модульного взаимодействия. Модульная координация осуществляется посредством использования в дискурсе специальных регулирующих высказываний.

Будучи неинформативными в содержательном плане, не внося ничего нового в план содержания, такие конвенциональные высказывания служат сигналами установления доверительных отношений, подтверждения общей коммуникативной цели и согласия следовать установленным правилам взаимодействия.

- *Если вы не возражаете, мы могли бы начать обсуждение (координация когнитивных установок и гармонизация эмоциональной сферы).*
- *Давайте попробуем подойти к проблеме с другой стороны (координация когнитивных установок).*
- *Я хорошо понимаю ваши затруднения. . (экспликация проблем коммуникативного партнера)*
- *Понимаете, мы очень хотим найти с вами общие интересы и договориться по этим вопросам... (экспликация коммуникативного намерения)*
- *Я что хочу сказать/мы понимаем ваши трудности и готовы идти навстречу. . (экспликация проблем коммуникативного партнера).*

Итак, конвенциональное речевое поведение оказывается не тождественным понятиям “этикетное поведение” и “ритуальное поведение”, хотя и вступает с ними в системные отношения в рамках процесса стереотипизации речевого поведения.

Ритуалы закреплены в стандартных высказываниях, причем предусматривают только одну речевую форму их исполнения, отточенную до формулировки (*Объявляю вам строгий выговор: Награждаю Вас почетным знаком “Ветеран труда”*). Конвенции же представлены правилами и принципами речевого поведения, реализующимися в ролевых установках и правилах диалогического взаимодействия. Конвенциональные высказывания вариативны, но, как правило, закреплены в структуре диалога.

Особый интерес для анализа диалогического дискурса представляет проблема структурирования диалогического дискурса в аспекте конвенционального иллюкутивного вынуждения [Баранов, Крейдлин 1992] и передачи коммуникативных ролей (turns). Мена коммуникативных ролей – важнейшая категория дискурсного анализа (talk analysis, Gesprachsanalyse). Она также участвует в конструкции сценария взаимодействия, поскольку является одним из важнейших аспектов организации дискурса. В связи с этим некоторые лингвисты относят индексы мены коммуникативных ролей наряду с другими речеорганизующими средствами (**дискурсные маркеры, акты коррекции и редактирования, акты поддержания внимания и проверки понимания** и т. д.) в сферу дейксиса дискурса, отмечая их метакоммуникативный характер.

Мена коммуникативных ролей является составной частью структурного компонента сценария взаимодействия, поскольку обусловлена механизмом иллюкутивного вынуждения и самовывуждения, выявляющим конвенциональную природу конверсационной структуры механизма сцепления реплик в минимальном диалогическом единстве (МДЕ). На вопрос обязательно должен следовать ответ. Отсутствие ответа может означать либо нежелание вступать в контакт/продолжать общение, либо невозможность отвечать ввиду нарушения конвенций (например, вопрос занимающему более

высокое институциональное положение “Какие у вас на сегодня планы?” скорее всего останется без ответа). Реакцией на просьбу должно быть согласие/отказ. Отказ может быть открытым и – в рамках конвенционального поведения – закомуфлированным, представленным косвенным способом. Отсутствие одной из двух реакций будет считаться нарушением конвенции. Реакцией на побуждение должно быть обещание выполнить, действие, либо отказ в его выполнении также конвенционально выражаемый косвенно. К анализируемым единицам мы будем относить конвенциональные высказывания; основным критерием их выделения мы считаем обязательность/желательность с точки зрения общепринятых конвенций.

И.Н. Борисова [Борисова 2003] вводит понятие **коммуникативной координации (КК)** речевого поведения, которая включает коммуникативные характеристики унисонного диалога: согласованность коммуникативных интенций, кооперативность поведения, понимаемую как согласованность речевых ходов, солидарность модально-оценочных смыслов речевых действий (поступков), унисонность тональности общения, симметричность коммуникативной активности и одинаковое понимание результатов общения. При этом основополагающим интегративным фактором (темой сценария) следует назвать тип дискурса, коррелирующий с типом социальной сферы. в данном случае – разговорный бытовой диалог. Несмотря на то, что автором статьи исследуются индивидуальные тактики и правила дискурсного взаимодействия с точки зрения достижения перлокутивного эффекта, в данной категории представлены, на наш взгляд, важнейшие параметры конвенционального поведения. Коммуникативная координация в когнитивной и модальной сферах является базовым понятием конвенциональности, но понимается нами значительно шире. Конвенции могут соблюдаться и в диссонансном общении.

Взаимоотношение социальных и личностных свойств коммуниканта с типами разговорного дискурса определяется принадлежностью к тому или иному типу институционального общения, определяющего тип конвенционального поведения, закрепленного за той или иной социальной сферой общения.

Конверсационные знания, что следует из вышесказанного, являются непременным условием успешного общения, они позволяют преодолеть барьер “чужой” – “свой”, успешно выполнять различные социальные роли в конвенциональном общении, ибо основные правила диалога предполагают социализацию человека через речь.

Определяя организующую и регулирующую роль конвенций в различных аспектах коммуникативного взаимодействия, можно сказать, что они являются неотъемлемой составляющей диалогического общения. Мы можем выделять зоны максимального и минимального требования исполнения конвенциональных норм. Безусловно, самой “строгой” сферой, в которой соблюдение конвенциональных норм совершенно обязательно и строго регламентировано, является сфера официального или формального (по западной коммуникативной модели) общения.

Соответствующие максимальной степени официальности регламентные отношения предполагают четкое соблюдение коммуникативных и конвенциональных ролей и обязательность их исполнения. Так, представление сторон характерно для социального взаимодействия так же, как и для бытового общения, однако отношение к процедуре представления и там и там будет различным. Строгая прописанность порядка представления сторон и используемых клише официальной речи противопоставлены в бытовой речи относительной свободе и вариативности используемых средств.

Поскольку каждая социальная сфера характеризуется единством конструктивных параметров, которые создают систему типовых речевых ситуаций, характерных для данной сферы и неотделимых от нее, следует предположить, что это проявляется в степени допустимости типов речевых действий [Сухих 1998: 128].

Проблема выделения различных типов социальных сфер напрямую сопряжена с выбором релевантных критериев. Большинство лингвистов сходятся в определении основных параметров ситуации общения, но по-разному трактуют их значимость и по-разному реализуют ситуативные параметры при создании типологий диалогов

или сфер общения (см. [Якобсон 1985; Henne, Rehbock 1995; Levinson 1983; Van Dijk 1980; Wunderlich 1976] и др.).

Наиболее удачной в этой связи представляется попытка С.А. Сухих [Сухих 1998: 9–10] разграничить социальные сферы на основе степени жесткости социального контроля, который описывается, прежде всего, в понятиях норм, конвенций и ритуалов, коммуникативных схем, а также допустимости тем общения и типов речевых действий. Такая типология кажется нам наиболее адекватной, и далее мы будем опираться именно на нее.

Из перечисленных выше критериев нас интересуют параметры чисто социальной природы, а именно: социальные нормы и конвенции, через которые преломляются когнитивные представления о ситуативном контексте, о составе и степени знакомства коммуникантов, об их социальных отношениях и ролях, а также об уровне формальности интеракции.

При комплексном применении этих социальных переменных социальные сферы условно можно разбить на две группы:

1. Формальная (высокий уровень формальности; жесткая необходимость соблюдения норм, обусловленная принципом кооперативности при решении совместных задач; асимметричные социальные отношения, т.е. наличие иерархии в отношениях и т.д.).

2. Неформальная (личностный характер общения, связанный иногда с отрицанием действующих в обществе норм; непринужденное, неофициальное общение; высокая степень знакомства; симметричные социальные отношения и т.д.).

Соответственно можно выделить следующие сферы общения:

1) сфера официального организованного общения в различных областях человеческой деятельности (жестко формальная);

2) полуофициальное общение – сфера обслуживания (потребительская сфера), общение в малых социальных группах (трудовые коллективы) (формальная с допущениями отступлений от правил);

3) сфера досуга (неформальная).

Причем, первая и вторая сферы общения представляют институциональное общение, определяющееся такими параметрами, как

– ориентация на структуру;

– максимум речевых ограничений;

– относительно фиксированная мена коммуникативных ролей;

– примат глобальной организации;

– меньшая обусловленность непосредственно ко-текстом (co-text);

– немногочисленность целей, но обычно имеющих глобальный характер [Макаров 2003].

Нужно добавить, что институциональные сферы общения характеризуются выраженной структурной системностью, поддерживаемой конвенциями. Это можно подтвердить следующей мыслью исследователя: “Функция института заключается в решении определенной социально значимой задачи с точки зрения групповых интересов, что, собственно, составляет социокультурную жизнь (в отличие от физиологической). Каждый институт имеет свою структуру – упорядоченность, выделенность, устойчивость, специфичность, что позволяет распознавать его как членам этой группы, так и сторонним наблюдателям” [Макаров 2003: 205–206].

Мысль М. Дугласа о том, что институт в минимальной философской форме может быть сведен к разновидности конвенции [Douglas 1986: 46], можно дополнить суждением о том, что именно институты закрепляют и систематизируют конвенции за определенными сферами, видами и жанрами общения. Поэтому институциональность проявляется и в степени конвенционализации общения, в разработанности и закреплении определенных правил и норм социального речевого поведения в той или иной сфере общения.

Как справедливо замечает Н.Л. Овшиева [Овшиева 2002], правила речевого взаимодействия в формальной и неформальной обстановке различны. Возможность экс-

пликация отношения в неформальной обстановке коррелирует с коммуникативными ограничениями в формальной обстановке. Собственно, когда мы говорим о социально приемлемом поведении, мы чаще всего имеем в виду официальное общение

Коммуникация должна опираться на восприятие речи, и это наиболее очевидно в формальном общении. В определенном смысле восприятие речи может быть условием для коммуникации. В формальной обстановке восприятие речи в большей степени должно опираться на конвенции, то есть определенные социальные нормы, правила и тактики ведения диалога, основанные на коммуникативных ожиданиях. Соблюдение этих норм и правил, имеющих национальную специфику, является необходимым условием для успешной коммуникации и функционирования социальных институтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азнабаева 1998 – Л.А. Азнабаева Принципы речевого поведения адресата в конвенциональном общении. Уфа, 1998
- Антинескул, Двнянинова 1998 – О.Л. Антинескул, Г.С. Двнянинова Статусные роли говорящих и их речь. Уч. пособ. Пермь, 1998.
- Баранов, Крейдлин 1992 – А.Н. Баранов, Г.Е. Крейдлин Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // ВЯ. 1992. № 2.
- Бахтин 1986 – М.М. Бахтин Эстетика словесного творчества. М., 1986.
- Борисова 2003 – И.Н. Борисова Русский разговорный диалог зоны толерантного и нетолерантного общения // Философские и лингво-культурологические проблемы толерантности. Екатеринбург, 2003
- Брандес 1990 – М.П. Брандес Практикум по стилистике немецкого языка. М., 1990
- Грайс 1985 – Г.П. Грайс Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике Вып. 16 Лингвистическая прагматика М., 1985.
- Дейк 1989 – Т.А. ван Дейк Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989
- Демьянков 1982 – В.З. Демьянков Конвенции, правила и стратегия общения (интерпретирующий подход к аргументации) // ИАН СЛЯ. Т. 41. 1982. № 4.
- Карасик 2002 – В.И. Карасик. Язык социального статуса. М., 2002.
- Колтунова 2002 – М.В. Колтунова Ритуальные речевые действия в социальном общении // Stylistika. Вып. XI. Opole. 2002
- Ларина 2003 – Т.В. Ларина. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. М., 2003.
- Макаров 1986 – М.Л. Макаров Метакоммуникативные единицы регламентного общения // Языковое общение и его единицы. Калинин, 1986.
- Макаров 1998 – М.Л. Макаров Интерпретативный анализ дискурса в малой группе Тверь, 1998
- Макаров 2003 – М.Л. Макаров. Основы теории дискурса М., 2003
- Овщикова 2002 – Н.Л. Овщикова О стереотипном речевом поведении // Вестник ОГУ 148 2002. № 6.
- Остин 1986 – Дж.Л. Остин Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике Вып. 17: Теория речевых актов. М., 1986.
- Прохоров 1997 – Ю.Е. Прохоров Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в межкультурной коммуникации // Функциональные исследования: Сборник статей по лингвистике. М., 1997. Вып. 4.
- Ратмайр 2003 – Р. Ратмайр Прагматика извинения. М., 2003.
- Стернин 1996 – И.А. Стернин Коммуникативное поведение и национальная культура // Дискурс: Новое в лингвистике. Вестник ВГУ Серия 1 Гуманитарные науки. Воронеж, 1996
- Стернин 2000 – И.А. Стернин Русское коммуникативное поведение // Проблема национальной идентичности в литературе и гуманитарных науках XX века Воронеж, 2000
- Стросон 1986 – П.Ф. Стросон Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике Вып. 17: Теория речевых актов. М., 1986
- Сухих. Зеленская 1998 – С.А. Сухих, В.В. Зеленская Прагмалингвистическое моделирование коммуникативного процесса. Краснодар, 1998.
- Сухих 1989 – С.А. Сухих Языковая личность в диалоге // Личностные аспекты языкового общения. Калинин, 1989.

- Токарева 1999 – *Н.И. Токарева*. Этнокультурные стереотипы коммуникативного поведения // Автореф. дис. ... докт. филол. наук Минск, 1999.
- Формановская 1994 – *Н.И. Формановская*. Прагматика побуждения и логика языка // Русский язык за рубежом 1994, № 5/6
- Формановская 2003 – *Н.И. Формановская*. Ритуалы вежливости и толерантность // Философские и лингво-культурологические проблемы толерантности Екатеринбург, 2003
- Шибутани 1969 –
- Якобсон 1985 – *Р. Якобсон*. Избранные работы М, 1985
- Douglas 1986 – *M. Douglas*. *Haw institutions think*. Syracuse, 1986
- Keller 1995 – *R. Keller*. Rationalität, Relevanz und Kooperation // Implikaturen: grammatische und pragmatische Analysen / Hrsg von F. Liedtke Tübingen, 1995.
- Kellerman, Park 2001 – *K. Kellerman, H. Park*. Situational urgency and conversational retreat when politeness and efficiency matter // *Communicational research*. 2001 V. 28/1.
- Lakoff 1995 – *R.T. Lakoff*. Conversational implicature // *Handbook of pragmatics* / Ed. by Verschueren, J. Ostman, J. Blommaert. Amsterdam; Philadelphia, 1995
- Leech 1983 – *G.N. Leech*. Principles of pragmatics London, 1983
- Leech, Thomas 1990 – *G.N. Leech, J. Thomas*. Language, meaning and context pragmatics // N.E. Colledge. An encyclopedia of language. London, New York, 1990.
- Malinowski 1972 – *B. Malinowski*. Phatic communion // *Communication in face-to-face interaction* Harmondsworth, 1972
- Terry Hogg, White 1999 – *D. Terry, M. Hogg, K. White*. The theory of planned behavior: Self-identity social identity and group norms // *British journal of social psychology* 1999, V. 38
- Fraser 1996 – *B. Fraser*. Pragmatic markers // *Pragmatics* 1996, V. 6(2).
- Levinson 1983 – *S.C. Levinson*. Pragmatics. Cambridge, 1983
- Sperber, Wilson 1982 – *D. Sperber, D. Wilson*. Mutual knowledge and relevance in theories of comprehension // *Mutual knowledge*. London, 1982.
- Strawson 1991 – *P.F. Strawson*. Intention and convention in speech acts // *Pragmatics: A reader*. Oxford; New York, 1991